

УДК 663.284+303.446.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_3_29

Н.А. Четырина

Москва

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
nchetyrina@yandex.ru**ВИНОТОРГОВЛЯ КАК ОСВОЕНИЕ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК
В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.**

В статье рассматривается освоение новых культурных практик населением на примере виноторговли в Сергиевском посаде конца XVIII – начала XIX в. Демонстрируется освоение новых культурных форм досуга в сфере услуг и изменения в образе жизни. Законодательно закрепленное распределение спиртных напитков за разными типами заведений виноторговли означало одновременное закрепление за каждым типом культурных практик. Традиционная для России практика продажи простого хлебного вина без всяких закусок осуществлялась только в кабаках и питейных домах, предназначенных исключительно для простонародья (крестьян в лаптях). Специфика этой торговли предьявляла самые минимальные требования к самим помещениям, уровню обслуживания посетителей. В заведениях нового европейского типа (трактирах, гербергах) все было иначе: категория посетителей, внутреннее убранство, ассортимент напитков (алкогольных, слабоалкогольных и безалкогольных), наличие закусок, сервировка, а для развлечения – бильярд. Они были, говоря современным языком, культурно-досуговыми центрами. В повседневной жизни стремление повысить уровень продаж приводило к стиранию жестких сословных перегородок, снимало ограничения для имевших средства и желание представителей простонародья, охотно посещавших не предназначенные для них заведения. Происходило естественное освоение новых культурных практик широкими слоями населения.

Ключевые слова: Сергиевский посад, питейный дом, кабак, трактир, герберг, бильярд, культурные практики.

Монополия на продажу вина (т.е. простой хлебной водки) в Российской империи принадлежала государству, а доходы от нее были важнейшей частью государственного бюджета. Оптовая продажа производилась из казенных складов (магазинов), мелочная – из казенных питейных домов, которые передавались частным лицам на откуп. Каждые четыре года на торгах желающие могли соперничать за право торговать водкой.

Существовали строгие порядки, регламентирующие правила торговли алкогольной продукцией. С 1770 г. выстраивается настоящая иерархия заведений виноторговли в жестком соотношении с общей сословностью общества. Этому соответствовала подробная классификация напитков, разрешенных к продаже этими заведениями, и регламентация

услуг. Напитки, разрешенные в заведениях одного типа, запрещалось продавать в заведениях другого типа, реализация могла быть только в указанном месте, а не на вынос. В кабаках и питейных домах, предназначенных для самого массового посетителя в лаптях, продавалось только простое хлебное вино без закусок, в остальных типах заведений им торговать запрещалось. Это обстоятельство (выпивка без закуски) совершенно не укладывается в голове современного человека. В харчевнях всякий алкоголь был под запретом. В трактирах можно было получить напитки с закусками, но туда первоначально не допускали женщин. И здесь надо пояснить: «вино горячее» или «вино хлебное» имело 20 градусов, водка – это продукт перегонки хлебного вина с дополнительным вкусом, французская водка – это коньяк, пиво было

разных сортов, в том числе легкое или полпиво [1, с. 606–608].

Обращение к истории подмосковного Сергиевского посада поможет выяснить, как законодательные инициативы государства реализовывались на практике. Источниками являются документы, отложившиеся в фонде Троице-Сергиева монастыря в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1204) и в фонде ратуши Сергиевского посада в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы. Ф. 73).

Сергиевский посад – это поселение вокруг знаменитой Троице-Сергиевой лавры, получившее права городского (посада) в 1782 г. [2, с. 39–45]. Большие возможности для организации в нем виноторговли открывало сотрудничество с монастырем. Во владении лавры было множество подходящих помещений, которые охотно арендовались откупщиками и их поверенными. Добиться успеха в этой сфере можно было только при умении выстроить инфраструктуру, или, говоря современным языком, четкую логистику. В неё входили, помимо полученного права на виноторговлю, надежные служители разного уровня – от поверенных в делах до простых работников, подходящие помещения на бойких местах, честные поставщики как готового вина, так и сырья (солода) для варки пива на своих пивоварнях.

Ведущее положение в этой отрасли торговли заняли крупные откупщики питейных сборов. Содержателями питейных сборов были: его сиятельство господин бригадир, князь Николай Алексеевич Волконский; военный советник и кавалер Василий Евграфович Татищев; майор князь Иван Сергеевич Мещерский; майор Александр Васильевич Новосильцов; московский именитый гражданин Дмитрий Федорович Фалеев; московский купец Иван Михайлов Попов; санктпетербургский купец Иван Иванов Костромин; дмитровский купец Сергей Егоров Девишин. Следующим звеном в этой цепочке были поверенные откупщиков, которые руководили «троицкой канторой»: дмитровский купец Петр Кавтанников, московский

купец Алексей Титов Певцов, Вятской губернии города Орлова купец Василий Зотов Изергин, московский купец Федосей Матвеев Белобородов, московский купец Илья Прокофьев Шурупов, поверенный Николай Федоров Секерин и другие. Местные жители были служителями, наемными работниками¹. Такая работа позволяла приглядеться, понять принципы функционирования, научиться специфике розничной торговли в этой сфере. А затем, при благоприятных обстоятельствах заплатив акциз, заняться выгодным делом.

В заключенных контрактах, сохранившихся в фонде Троице-Сергиевой лавры, значится: «торговать и иметь выставки в Рогожах, в чарошной, австерии, в кабаке, в Какуеве, в Разгуляе, в Троице-Сергиевой лавре, в Клементьевской дистанции, в Воздвиженском, в Рахманове, в Талицах, в Братовщине, в селе Нагорном, в Пушкине, в Павлове, в Купавне, в Сваткове». В этом списке названы 17 пунктов продажи вина. Кроме этого, во время ярмарок ставились дополнительно 4 шатра около монастыря. Их состояние признавалось хорошим: «в оных покоях полы, окончины и лавки исправлены. А впредь какие починки потребуются, обязуемся исправлять от себя». Судя по всему, эти пункты виноторговли были весьма выгодными. Сохранившиеся документы свидетельствуют о конкуренции между претендентами за право их найма. По этой причине постоянно росла годовая арендная плата в пользу монастыря. За период с 1783 по 1799 гг. она повысилась ровно вдвое – с 65 до 130 руб. в год².

Несколько слов о терминологии. Документами называются: чарошная, выставка, кабак, австерия, трактир, ренсковый погреб, штофная лавка, ведерная, герберг, питейный дом и т. д. О значении некоторых можно догадаться. Чарошная –

¹ Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 73. Оп. 1. Д. 452. Л. 11–12 об., 15 об.–17; Там же. Оп. 1. Д. 456. Л. 4 об.; Там же. Оп. 1. Д. 462. Л. 5, 6 об.; Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 34–35; Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 22–23 об.; Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 3–3 об., 7–8, 27 об.–28.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1093. Л. 1, 7; Там же. Оп. 1. Д. 2221. Л. 1.

значит продают чарками (вроде рюмочной), штофная – штофами, ведерная – ведрами. Чарка – это примерно 120 г, штоф – 10 чарок, ведро – 10 штофов или 12 л. Выставка – это временная торговая точка. Ренсковый погреб торговал виноградными винами иностранного происхождения. Само слово «ренсковый» происходит, говоря современным языком, от «географического наименования» рейнских вин. О гербергах будет сказано ниже.

В 1783 г. сгорел питейный дом, «называемой австерией». Компенсировать временную утрату этого пункта должно было каменное строение бывшего казенного соляного магазейна (склада), который давно не использовался по назначению. В качестве аргументов в прошении откупщиков было написано: «дабы от остановки и народного неудовольствия не было, равно как от сего не понесла б казна убытка». На это же помещение претендовали также ратуша посада и содержатель герберга купец Григорий Бочкин. Получили разрешение вышестоящих властей откупщики. Они добились, чтобы за счет посада были произведены капитальные ремонтные работы, так как требовалось приспособить помещение для торговли. Для этого надо было сделать 8 окон с затворами, выломать внутри одну стену, сделать стойку и ледник. Стоимость этих работ по оценке купца Петра Балашова, взявшегося за их исполнение, составила 339 р., а оплата производилась из собираемых с купечества доходов¹.

Тем не менее, посетивший посад граф Я.А. Брюс в донесении о Московской губернии 1785 г. писал: «В проезд мой нашел я питейных домов великое число в крайней ветхости, так что в некоторые и входу нет. Содержатели тех приносили прошение, что они, лишаясь способу в тех домах напитки продавать, не в состоянии будут обязанные по контрактам внести в казну и суммы»². Эта оценка противоречит ранее процитированным словам из контракта: «в оных покоях полы, окончины и лавки исправлены. А впредь, какие починки

потребуется, обязуемся исправлять от себя». Получается, сами содержатели не очень старались поддерживать наемное помещение в исправности. К тому же никто не заставлял их насильно нанимать непригодные к использованию постройки. Вероятно, специфика торговли низкопробным хлебным вином без закуски для самого простого, буйного во хмелю, посетителя не самым лучшим образом сказывалась на сохранности самих помещений. К 1793 г. казенное здание бывшего соляного магазейна обветшало, было проведено его освидетельствование, имущество описано и оценено для предстоящей продажи с торгов. В результате его на сломку купил за 202 р. губернский землемер Григорий Хомяков, чьи интересы по доверенности представлял купеческий сын Афанасий Тарбинский³.

В конце XVIII – начале XIX в. дополнительно нанимались наиболее подходящие дома местных жителей. В 1798 г. под питейную контору поверенный В. Изергин снял дом в посаде за 200 р. в год. В 1801 г. откупщики арендовали двухэтажный на каменном фундаменте дом с двором у купца Д.С. Тарбинского на 2 года и 2 месяца за 700 р. При этом хозяин взял на себя обязательства не только освободить помещение, но сделать во дворе ледник, подъездной сарай, конюшню на 6 лошадей, амбар, людскую избу с сенями, поправить баню, а перед ней вырыть подвал, в который вставить обруб, покрыть накатником и засыпать землей. То есть от хозяина требовалась перестройка двора с учетом специфики его использования нанимателями. В 1803 г. для этих же целей был нанят двор с деревянным домом у мещанки А.Ф. Верещагиной на 4 года с платой за все время 600 р. Но в этом случае содержатели решили сами заняться строительством. Для приспособления двора к своим нуждам была нанята артель из 8 строителей. Контрактом предусматривалось за 150 р. построить флигель с двумя помещениями для ведерной и чарошной продажи, согласно плану в линию выстро-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 413. Л. 114 об.-115, 118, 126, 133 об., 152 об., 167.

² РГАДА. Ф. 16. Д. 576. Л. 152.

³ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 5 об., 268 об., 270-271 об.

ить ледник, погреба с напогребницей, винный магазин с воротами. В том же 1803 г. под питейную продажу откупщики наняли у купеческой вдовы А.Г. Медведевой дом «под названием Истерскаго питейного дома» («Австерскаго») вместе с оборудованием («имуществом по описи») на 1 год за 340 р. Этот дом вместе с пивоварней А.Г. Медведева неоднократно сдавала на годичный срок и другим желающим¹.

Заведениями особого европейского колорита стали герберги (от нем. die Herberge – постоянный двор) – «трактирные дома с квартирами и с постелями», где подавались: «кофий и чай, шеколад, билиард, табак, виноградные вина, французскую водку, заморский эль бир и полпиво легкое». От харчевен и питейных домов их отличала и категория посетителей: вход туда запрещался «всем подлым и солдатам». Правительство узаконило существование новых общественных мест. В 1770 г. все герберги и трактиры были разбиты на 4 категории или номера. Герберг 1-го номера предоставлял «стол с ночлегом», 2-го – «стол без ночлега» с подачей «вейновой водки, виноградного вина, англинского пива, полпива легкого, кофе, чая, шеколада и курительного табака» [3; 4, с. 93-94].

В Сергиевском посаде содержали герберги и 1-го, и 2-го номеров. В 1783–1794 гг. содержанием герберга был купец Григорий Матвеев Бочкин. Разрешение на его содержание выдавалось один раз в четыре года. По приговору градской думы 1792 г. было положено иметь в Сергиевском посаде один герберг. В 1794 г. конкурентами на право содержания герберга стали купец Петр Медведев, Григорий Бочкин и Савва Прокофьев. Разрешение получил П.П. Медведев, остальные получили отказ. Сохранилось свидетельство, выданное купцу на четырехлетнее содержание герберга начиная с 1795. Расправный судья, осмотрев герберг, написал, «что состоит

оной в Сергиевском посаде при рынке, называемом Клементьевской, и имеется в том доме шесть покоев, на дворе ж при жилых покоях ко въезду проезжающих для ночлегу пространство довольное, следовательно герберга 1-го номера содержать ему, Медведеву, можно»².

В герберге Григория Бочкина дозволялось «продавать вино, водку, пиво, полпиво... а равно кофе, чай, шеколад и курительный табак... с запрещением игры играть», а также предлагалось «целительного рижского бальзама... кувшинами и мелочью»³. Обстановку такого заведения передает описание имущества герберга купца Кондратия Ильина Баранова 1813 г.: «образа: 1-й. Николая Чудотворца без окладу; 2. Усекновения главы Иоанна Предтечи без окладу; 3. Нилы Столбенского без окладу; 4. Преподобного отца Сергия без окладу; 5. Преподобного отца Сергия без окладу; 6. Писанной на холсте Казанския Божия Матери в раме; 7. Писанной на холсте Авраама Исаака в раме. Два белиарта, один покрыт зеленым, а другой темнозеленым сукнами. Два карамболя шаров, один шар большой. Зеркало в раме елового дерева, оклейное по оной красным деревом. Самовар зеленой меди кубоватой. Два портрета Евдокеи, писанной на парусине. Два портрета Петра и Екатерины, писанные на парусине. Потрет Сусанны, писанной на парусине. Портрет Платона, писанной на парусине. Пять столов елового дерева. Шкап еловой крашеной с шестью вставленными стеклами. Шесть подносов жистяных. Шесть фарфоровых разных чашек. Три жестиных чайника. Три молодника фаянзовых. Одна сахарница жестиная. Чайница деревянная, оклеена бумагою. Три графина хрустальных. Восемь стаканов хрустальных. Ендова медная. Тритцать стеклянных полпивных бутылок. Восемь бочек полпива»⁴.

Картины, скорее всего, были написаны местными мастерами. Перечень очень напоминает продукцию мастерской

¹ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 462. Л. 286; Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 22 об.–23 об.; Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 7–8, 11, 21 об.; Четырина Н.А. Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795–1863 гг.). Москва: МГСУ, 2012. 192 с.

² ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 2. Д. 171. Л. 2, 8 об.; Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 427, Л. 263; Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 448. Л. 245–245 об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 423. Л. 192 об.–193.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 64. Л. 94.

И.В. Рябова (большие и малые картины, писанные на парусине и тике: Божией Матери, портреты Государя императора всероссийского, Платона митрополита Московского, цариц Натальи Кириловны, Евдокии Федоровны, французской королевы Марии Терезии и прочие) [5, с. 62-63]. Показательно, что в герберге купца Баранова не было портрета правящего императора Александра I, а только ставших легендарными Петра и Екатерины и первой его супруги Евдокии. Личность правителя была священна, это же относилось и к его портретам. При них были недопустимы даже бранные слова, а в гербергах могло случаться всякое. Тем не менее в такое заведение можно было пригласить для галантного увеселения даму. В 1803-1804 гг. в герберг купца Сергея Москалева неоднократно хаживал «купеческой сын Иван Бурдунин с какою-то барынею, оказывавшеюся сержантскою женою Свинцовою, которую он и потчивал чаем и пунштом, также и другими напитками». А канцелярист ратуши Михаил Антонов в 1818 г. зашел туда просто для чаепития «только на три пары» чая¹.

«Парой чая» называли большой чайник с кипятком и маленький с заваркой. Содержатели гербергов стремились учитывать потребности и возможности своих клиентов, а также соблюдали благопристойность. Так, в 1786 г. содержатель герберга Григорий Бочкин во избежание возможного конфликта запретил зашедшему туда мещанину Ивану Афанасьеву Коптелину читать вслух записку, написанную иереем Степаном Фадеевым².

Другими словами, перед нами, говоря современным языком, культурно-досуговый центр. Благородный или претендующий на благородство посетитель мог удовлетворить свои гастрономические и эстетические потребности. Для изысканности сервировки при подаче чая или кофе использовались жестяные подносы, фарфоровые чашки, фаянсовые молочники и жестяные чайники. Для хмельных напитков – хрустальные графины и стаканы. Вода

кипятилась в медном самоваре. Зеркало, хоть и было в простой еловой раме, но декорировано красным деревом в технике маркетри. Для развлечения, демонстрации ловкости и меткости предлагались два бильярда с двумя комплектами (карамболями) шаров. И все это в окружении произведений живописи как светского, так и духовного содержания, по существу – в картинной галерее. Какое разительное отличие от описания питейных домов гр. Брюса 1785 г. Можно согласиться с выводом Е.В. Долгих, что законодательно закрепленное распределение спиртных напитков за разными типами заведений виноторговли означало и одновременное закрепление за каждым типом форм досуга и образа жизни [1, с. 610].

На практике установленный законом порядок постоянно нарушался. 31 января 1808 г. в ратушу поступила жалоба от московского купца Беспалова, который усмотрел неполадки в торговле напитками: 1. Откупщики производят продажу в непозволенных местах и имеют лишние комнаты для продажи пива; 2. Не соблюдают ассортимент – вместо кабацкого пива и на манер аглинского пива портеру и меду, продают только одно полпиво; 3. Покупателям отпускают в дома; 4. В гербергах продают не полпиво, портер, а крепкое пиво; 5. В гербергах пускают народ в лаптях и серых кафтанах и прочей «развратной» (крестьянской. – Н.Ч.) одежде, что запрещено правительством; 6. В ренсковых погребах производят продажу виноградных вин и водок не указными мерами, а рюмками и стаканами, делают пунш и чай, хотя такая продажа предоставлена гербергам за заплаченный акциз³. Эта жалоба как нельзя лучше описывает проникновение новшеств даже в жизнь тех слоев населения, для которых они не были предназначены. Совершившиеся изменения были вполне естественны, люди включили в свой образ жизни то, что смогли освоить. Новые культурные практики вошли в обиход разных сословий. Ведь, как известно, бытие определяет сознание, а спрос рождает предложение.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 15. Л. 20 об.; Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 265.

² ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 423. Л. 239 об.

³ ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 31. Л. 25-25 об.

Список литературы

1. Долгих Е.В. История общественного питания в России по законодательным источникам (1626–1861 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5. С. 604–619.
2. Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). Москва: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. 320 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1830. Т. 29. № 13540.
4. Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиций в России. Москва: АСТ; ЛЮКС, 2005. 381 с.
5. Четырина Н.А. «Для науки кукольного мастерства». Художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). Москва: АИРО-XXI, 2015. 312 с.

Сведения об авторе:

Четырина Наталья Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, 27, Москва, 119991
nchetyrina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.10.2020

Одобрено: 12.03.2021

Дата публикации: 29.03.2021

Для цитирования:

Четырина Н.А. Виноторговля как освоение новых культурных практик в России конца XVIII – начала XIX в. // Сфера культуры. 2021. № 1 (3). С. 29-35. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_3_29

УДК 663.284+303.446.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_3_29

N.A. Chetyrina

Moscow

Moscow state University named after M.V. Lomonosov

nchetyrina@yandex.ru

WINE TRADE AND THE ASSIMILATION OF NEW CULTURAL PRACTICES IN RUSSIA OF THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

This article deals with the development of new cultural practices based on the example of the wine trade in Sergievski posad in the late XVIII – early XIX centuries. It demonstrates the development of new cultural forms of leisure in the service sector and changes in lifestyle. The legally fixed distribution of alcoholic beverages for different types of establishments meant that for each type of establishment particular cultural practices were

simultaneously designated. The traditional Russian practice of selling “bread wine” without any snacks took place only in pubs and drinking houses intended exclusively for the common people (peasants in bast shoes). The specifics of this trade imposed the most minimal requirements on the establishments and on their level of service. In establishments of the new European type (inns, “herbergs”) everything was different: the category of visitors, interior design,

the range of drinks (alcoholic, low- and non-alcoholic), the availability of snacks, service, and entertainment (billiards). They were, in modern terms, cultural and leisure centers. In everyday life, the desire to increase sales blurred rigid class divisions eased restrictions for those of the common people with the means and desire to visit

places not intended for their use. Hence there was a natural assimilation of new cultural practices by broad segments of the population.

Keywords: Sergievski posad, drinking house, tavern, herberg, billiards, cultural practices.

References

1. Dolgikh, E.V. [2015] *Istoriia obshchestvennogo pitaniia v Rossii po zakonodatelnyim istochnikam (1626–1861 gg.)* [A History of Public Food Supply in Russia According to Legislative Sources (1626–1861)] *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* [Historical Journal: Scholarly Research], 5, 604–619. (In Russian).
2. Chetyrina, N.A. [2006] *Sergievskii posad v kontse XVIII - nachale XIX vv.* (Posad kak tip gorodskogo poseleniia) [Sergievski Posad in the late XVIII – early XIX centuries: Posad as a Type of Urban Settlement]. Moscow: AIRO–XXI; St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian).
3. [1830] *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg. Vol. 29. № 13540 (In Russian).
4. Kurukin, I.V. & Nikulina, E.A. [2005] «*Gosydarevo kabatskoe delo*». *Ocherki piteinoi politiki i traditsii v Rossii* [«Sovereign tavern business.» Essays on Drinking Policy and Traditions in Russia]. Moscow: AST: LUX. (In Russian).
5. Chetyrina, N.A. [2015] «*Dlia nauki kukolnogo masterstva*». *Khudozhestvennye promysli v dokumentakh ratushi Sergievskogo posada (1796–1864 gg.)* [«For the science of puppetry»: Arts and Crafts in the Documents of the Town Hall of Sergievski posad (1796–1864)]. Moscow: AIRO–XXI. (In Russian).

About the author:

Natalia A. Chetyrina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Associate, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

27 Lomonosovskii prospekt, Moscow, 119991
nchetyrina@yandex.ru